

Андрея, что, может быть, от него был услышан и внесен рассказ о помощи иконы в трудных родах княгини. Но «Сказание» называет и нескольких духовных лиц из числа владимирских соборян, тесно связанных с чудесами Владимирской иконы и организовавших их. Это вышгородские выходцы — Лазарь, Нестер и Микула. Лазарь, видимо, играл главную роль. При его участии устроено исцеление некоей «жены именем Еуфимии», жившей, видимо, во Владимире. Он совершает поездки в Переяславль-Южный и Тверь, где происходят эффектные исцеления именитых боярынь — монахини Марии Жидиславны и некоей тверской «болярыни». С именем попа Нестера связана организация первого «массового» чуда — исцеления сухорукого в Успенском соборе («множеству людям видящим в церкви») и больших торжеств по этому поводу. Микула занимает в «Сказании» скромное место: он выступает в пассивной роли в рассказе о спасении по его молитве беременной попадьи, сбитой взбесившимся конем.

Драгоценной деталью текста, подтверждающей составление «Сказания» рукой вышгородцев, южан, являются рассмотренные нами в начале главы местные украинские названия частей костюма микулиной попадьи. В какой-то мере «Сказание о чудесах» было плодом коллективного труда трех названных соборян, объединенных участием самого князя Андрея.

Но можно с большой вероятностью выделить из этого триумвирата Микулу и отвести ему главную авторскую роль. Прямым указанием на причастность Микулы к составлению «Сказания» являются подробности чуда с микулиной попадьей, его особая «выписанность», а также сохраненное в пересказе в Новгородской I летописи упоминание о родственных связях Микулы и его зятя дьякона Нестера, не представляющее никакого значения для истории чудес иконы и интересное лишь для автора. Но главное даже не в этом. Несомненным произведением Микулы была великолепная «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского»⁸⁰. Многие в стиле и литературной манере «Повести» очень близко к «Сказанию». Это тяготение к ритмической прозе, которое мы видели в рассказе о «чуде новом» — болгарской победе 1164 г., это ярко выраженная любовь к конкретной реальности повествования, его ясность и простота, умение даже в краткий рассказ о чудесах ввести живой диалог, превратив схему в занимательную новеллу. Все эти качества, присущие «Сказанию», с особой силой развернулись в позднейшем труде Микулы — «Повести об убийстве».

II. ПРАЗДНИК ПОКРОВА

1

Владимирское приурочение культа богоматери не ограничилось чрезвычайным развитием культа Владимирской иконы и строительством храмов, посвященных ее каноническим праздникам. Князь Андрей установил новый, специально владимирский, праздник Покрова богородицы, который одновременно получил свое закрепление в произведениях искусства и литературы.

Долгое время в русской науке считалось, что праздник Покрова был установлен в Византии и оттуда пришел на Русь. Последним защитником этой точки зрения был Г. П. Георгиевский⁸¹.

Специальное изучение вопроса Сергием убедительно показало ее ошибочность⁸². Обследование византийских источников выяснило, что там

⁸⁰ Н. Н. Воронин. Повесть об убийстве Андрея Боголюбского. . .

⁸¹ Г. П. Георгиевский. Русский ли праздник Покров? «Чтения в обществе любителей духовного просвещения», 1893, ноябрь.

⁸² Сергий. Указ. соч.